

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.6>

UDC 321
LBC 66.1(2)

Submitted: 09.05.2021
Accepted: 04.08.2021

BETWEEN SCIENCE AND IDEOLOGICAL PRESSURE: POLITICAL REFLECTION ON CIVIL WAR IN SOVIET RUSSIA IN 1917–1922

Vasily K. Belozеров

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation;
Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article explores the process and circumstances of understanding war as a political phenomenon in Soviet Russia 1917–1922, describes their impact on practice and theory development. For this purpose, the author studies the related political and ideological circumstances, characterizes the theory of class warfare and shows the specifics of understanding of the link between war and politics. *Methodology and research methods.* The methodology is based on political realism and the recognition of war as a complex, volatile and contradictory political phenomenon. The article identifies the causality between the attitudes of the Soviet leadership, political practice and theoretical approaches to the study of war, taking into account real political situations, processes and decisions. *Analysis.* The study of war as a political phenomenon took place in the context of policy impact of the ideology and doctrinal principles of the state. Two approaches have emerged in the development of the theory of war. The first was characterized by a pronounced ideological perception of the war. The second approach was marked by the recognition of the political nature and determination of war, while avoiding the discussion on the mechanism of implementation of Soviet political institutions into military theory and practice. Under these conditions, the synthesis of the two research paradigms was impossible. As a result, the first approach that didn't recognize the existence of alternative points of view in the study of war began to prevail. *Results.* In the early years of Soviet power, the scientific study of war turned out to be secondary in relation to the official ideological and doctrinal guidelines, which eventually began to formulate the comprehension of war as a political phenomenon. This situation, with minor changes, remained in the subsequent decades, which had consequences for the country's defense and the use of military force.

Key words: Soviet Russia, theory of war, war as a political phenomenon, military doctrine, class warfare, civil war.

Citation. Belozеров V.K. Between Science and Ideological Pressure: Political Reflection on Civil War in Soviet Russia in 1917–1922. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 61-70. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.6>

УДК 321
ББК 66.1(2)

Дата поступления статьи: 09.05.2021
Дата принятия статьи: 04.08.2021

МЕЖДУ НАУКОЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕССИНГОМ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917–1922 ГОДАХ

Василий Клавдиевич Белозёров

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация;
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются процесс и обстоятельства осмысления войны как политического феномена в Советской России в 1917–1922 гг., характеризуются их последствия для практики и развития теории. Изучены связанные с этим политико-идеологические обстоятельства, охарактеризована теория классовой войны, показана специфика понимания связи между войной и политикой. Методология строится на

политическом реализме и признании войны сложным, изменчивым и противоречивым политическим феноменом. Выявлялись причинно-следственные связи между установками руководства Советского государства, политической практикой и теоретическими подходами к исследованию войны, учитывались реальные политические ситуации, процессы и решения. Исследование войны как политического феномена происходило в условиях директивного воздействия идеологии и доктринальных установок государства. В разработке теории войны обозначились два подхода. Первому было присуще выраженное идеологическое восприятие войны. Второй подход характеризовался признанием политической природы и детерминации войны с одновременным уклонением от обсуждения механизма внедрения политических установлений советской власти в военную теорию и практику. В сложившихся условиях синтез двух исследовательских парадигм был невозможен. В итоге стал безгранично доминировать первый подход, при котором не признавалось наличие альтернативных точек зрения при исследовании войны. В первые годы советской власти научное исследование войны оказалось вторичным по отношению к официальным идеологическим и доктринальным установкам, которые в итоге стали директивно формировать осмысление войны как политического феномена. Сложившаяся ситуация с незначительными изменениями сохранилась в последующие десятилетия, что имело последствия для обороны страны и применения военной силы.

Ключевые слова: Советская Россия, теория войны, война как политический феномен, военная доктрина, классовая война, гражданская война.

Цитирование. Белозёров В. К. Между наукой и идеологическим прессингом: политическое осмысление Гражданской войны в Советской России в 1917–1922 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 61–70. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.6>

Введение. Октябрьская революция 1917 г. в России повлекла за собой кардинальную смену социально-политического устройства страны. Политические катаклизмы характеризовались завершением для страны Первой мировой войны и вступлением в Гражданскую войну. Неотъемлемой частью идеологии марксизма и социалистического проекта было резкое изменение взглядов на войну как политический феномен, на способы ее ведения, предназначение и подготовку военной силы государства. Новое понимание войны требовало концептуального обоснования. Вместе с тем ведение таких исследовательских разработок в годы революции и Гражданской войны в России осложнялось рядом проблем теоретического и практического характера. Необходимо отметить, что исследование процессов и обстоятельств, связанных с формированием политической концепции войны в названный период отечественной истории, в целом виде в политологическом ключе не проводилось. Между тем их изучение и понимание указанным образом, раскрытие генезиса и создание соответствующей объяснительной модели представляются необходимыми для развития в России национально ориентированной политической теории войны.

Цель исследования заключается в раскрытии генезиса и выявлении смыслов войны

как политического феномена в России в 1917–1922 гг., определении последствий сложившегося понимания для теории и практики в последующие периоды.

Методология и методы исследования. Методология исследования основана на концепции политического реализма и признании войны как реально существующего, изменчивого и противоречивого политического феномена. С учетом этого изучались государственные документы, работы советских политических и военных деятелей, профильные научные труды. Их выбор определялся связью содержащихся в них оценок с проблематикой войны. Осуществлялось выявление причинно-следственных связей между официальными установками государственного руководства Советской России, политической практикой и теоретическими подходами к исследованию войны. Для этого учитывались реальные политические ситуации, процессы и решения, использовались элементы сравнительного и контент-анализа. Герменевтический метод, понимающее толкование и дискурс-анализ использовались для выявления смыслового контекста и значений официальных установлений и артикулированных теоретических позиций.

Анализ. Политико-идеологические факторы оказали сильнейшее воздействие на

осмысление войны в России сразу после смены модели социально-политического устройства страны. Концептуально видение войны изначально строилось на основе марксистских постулатов. В рамках указанной идеологии в связи с ее воплощением в военно-политической практике сложились определенные теоретические конструкции. Их формирование явилось результатом восприятия действительности и видения силами, пришедшими к власти, будущего страны и мира.

Советское партийное и государственное руководство было уверено в неизбежности и закономерности грядущей мировой революции и перехода к новой социально-экономической формации. Осознание предстоящего скорого перехода человечества к новой формации означало отмирание капитализма и построение бесклассового общества. Такое представление о будущем органично включало в себя и признание неизбежности прекращения присущих эксплуататорским обществам войн, реакционных и корыстных. Исчезновение армии как института государственного насилия и инструмента эксплуататорских классов виделось большевикам как ближайшая и ощущаемая перспектива. Отсюда складывалось и отношение к науке о войне как об отживающей системе знаний. Исходя из такого понимания политического будущего, еще в период революции 1905–1907 гг. В.И. Ленин (1870–1924) призывал: «Пусть армия сольется с вооруженным народом, пусть солдаты понесут в народ свои военные знания, пусть исчезнет казарма и заменится свободной военной школой» [12, с. 113]. Такое восприятие действительности и будущего не предполагало развития системы научного знания о войне, выходящего за хронологические рамки установления власти пролетариата. В итоге сложилось отношение к военному насилию и армии (и к теоретическим знаниям о них) как о преходящих и устранимых явлениях, которым вскоре предстоит уйти в небытие.

Всеобщее вооружение трудящихся в ходе подготовки революции предусматривалось на краткосрочный период как условие подавления эксплуататорских классов в случае их вооруженного сопротивления [16, с. 87–89]. Примечательно, что в понимании российскими революционерами необходимости всеобщего воо-

ружения народа обнаруживаются признаки идей и подходов, сформулированных такими мыслителями, как Никколо Макиавелли (1469–1527), Карл фон Клаузевиц (1780–1871), идеологами Великой французской революции.

Победа пролетариата предполагала закономерность возникновения антагонистического конфликта с враждебным окружением и ведение на непродолжительном этапе исторического процесса революционных войн против отживающего капитализма. Неизбежной виделась и глобальная война внутри самого капиталистического сообщества, в связи с чем стояла задача ее превращения в мировую гражданскую с последующим созданием всемирной республики советов. Отсюда только войны победившего и наступающего пролетариата виделись как прогрессивные и освободительные. Фактически была создана теория легитимации революционных войн [25, S. 55–56].

В реализации идей марксизма в России проявилась зависимость официальных установок, реализуемых в связи с пониманием войны, от решения антропологических по сути вопросов о природе человека. Ориентируясь на теоретическое моделирование развития общества, большевики ожидали от масс энтузиазма при защите завоеваний революции и искренне считали возможным изменить человеческую сущность посредством создания социальных и экономических условий, исключающих эксплуатации человека человеком. Тем самым подтверждается вывод о том, что противоположность (оппозиция) «по природе доброго» и «по природе злого» человека есть «решающий для политической теории вопрос» [22, с. 108].

С установлением советской власти состоялось конституционное закрепление теоретических установок. Так, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая в январе 1918 г. и вошедшая в Конституцию РСФСР, призывала к братанию «с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий», декретировала «вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов» [11, с. 241]. Провозглашалось, что «почетное право защищать революцию с оружием в руках предос-

твляется только трудящимся» [11, с. 245]. Фактически советская власть сразу декларировала идеи политического романтизма, отказавшись от длительной и затратной подготовки военной силы и от разработки соответствующих концепций войны. Политический же романтизм представляет собой мир иллюзии, «лишенный функциональности и функциональной связности, без страшного руководства, без выводов и дефиниций, без решения, без последнего суда, простирающийся бесконечно, ведомый лишь магической рукой случая» [23, с. 32–33]. Следует констатировать, что в профильной литературе политическая антропология войны названного периода освещена недостаточно, а связь концепции войны того времени с решением вопроса о природе человека обычно игнорируется.

В исследуемый период советские руководители имели сложившееся представление о войне как продолжении политики, опираясь на подходы прусского философа войны Карла фон Клаузевица. Его формула была интерпретирована, и война рассматривалась как продолжение политики классов. По оценке немецкого исследователя Вернера Хальвега (1912–1989), «Ленин был впечатлен формулировкой известной мысли о войне как продолжении политики, это высказывание он считал чрезвычайно важным для понимания *любой* войны» [24, S. 97]. Для обоснования революционной борьбы к Клаузевицу обращались Л.Д. Троцкий (1879–1940), М.В. Фрунзе (1885–1925), другие советские руководители и теоретики [26, S. 86–138].

Следует вместе с тем отметить их избирательность в трактовке идей Клаузевица, что определялось интересами решения задач текущего момента. Так, решительному характеру борьбы с буржуазией мало соответствовал охват Клаузевицем войны в широком ее спектре, от абсолютной до ограниченной, в том числе лишь с демонстрацией военной силы. Такие войны, по мнению теоретика, составляют подавляющее большинство, о чем было известно В.И. Ленину. Не нашло отражения при обращении к Клаузевицу и предпочтению им обороны наступлению.

Интересы подготовки захвата власти вооруженным путем требовали организационных и теоретических усилий, поскольку «к вос-

танию надо уметь отнестись как к искусству...» [14, с. 390]. Борьба большевиков за власть отличалась готовностью обращаться к насилию, причем комбинированного характера, в рамках этой деятельности партией велась целенаправленная боевая и военная работа [1, с. 605–672, 695–763]. Первая заключалась в создании из числа рабочих вооруженных формирований, проведении силовых акций, диверсий, нападений на представителей власти и др. Содержание военной работы составляла революционная деятельность, агитация в армии и на флоте с целью вывод войск из-под контроля царской власти, переход армии на сторону революции. Тем не менее до революции проводимая работа полноценного теоретического обоснования не получила.

После победы революции получила развитие теория классовой войны. Борьба с противником военными средствами велась посредством особой организации военного строительства и создания армии, впервые в истории устроенной по классовому признаку. В сложившихся условиях при разработке военной стратегии пролетарского государства многие ее разработчики по-прежнему исходили из ожидания наступления мировой революции. В подавлении мировой буржуазии особая «миссионерская» роль отводилась Красной армии. Так, М.Н. Тухачевский (1893–1937) полагал, что «советская Россия является распространителем социалистической революции для всего мира. ...Социалистическая война будет непрерывна до победы той или другой стороны» [20, с. 61, 69]. Поддерживая его, Н.Е. Какурин (1883–1936) утверждал, что «человечество стоит уже в преддверии счастливой эпохи полного исчезновения всяких войн» [8, с. 6] и «пока наша Красная армия является единственной вооруженной силой мирового пролетариата, могущей развиваться в нормальных условиях, а ее генеральный штаб – единственной ячейкой, которая может в нужный момент развернуться в генеральный штаб мировой революции» [8, с. 12].

Характеризуя содержание и направленность военного строительства и признавая отсутствие его теоретической проработки, Л.Д. Троцкий отмечал: «...вся работа с начала до конца объединялась единством классов-

вой революционной цели, единством направленной на нее воли, единством марксистского метода ориентирования» [19, с. 8]. Ясно определил народный комиссар по военным и морским делам и классовую сущность вооруженных сил республики: «Красная армия есть военное выражение пролетарской диктатуры» [19, с. 9]. В декабре 1918 г. Л.Д. Троцкий публично отвергал мысль о том, «будто армия, наука войны, искусство войны и учреждения войны могут стоять вне политики. ... Этого нет нигде, и этого никогда нигде не будет» [2, с. 5].

На основе официальных установок разрабатывалась теория гражданской и классовой войны, осмысливался приобретенный опыт, формировалось видение войны как политического феномена, определение политического водораздела и целеуказания, когда врагом пролетариата и объектом поражения определялась буржуазия. Представители военно-научного общества слушателей созданной в 1918 г. Академии Генерального штаба РККА (с августа 1921 г. – Военная академия РККА), оценивая приоритеты изучения войны, выражали убежденность в том, что «для нашей Республики нет и не будет уже иных войн, как войн классовых, столкновения армий капиталистических стран с армией Революции» [2, с. 363]. На практике определение врага влекло и перенесение революционных форм классовой борьбы из политической сферы в военную стратегию, и даже в оперативное искусство и тактику.

Прямым следствием предпочтения методов классовой борьбы стала разработка в Советской России теории партизанской, малой, народной войны, представлявшей по сути идеологическое революционное воевание в его чистом виде, ведение которого предусматривалось и в мирное время. Соответствующие идеи получили обоснование в работах В.Е. Борисова (1861 – после 1941) «Партизанская, народная и малая война» (1918), П.П. Каратыгина (1887–1940) «Могучая сила партизанства» (1924), М.А. Дробова (годы жизни неизвестны) «Малая война: партизанство и диверсии» (1931) [4, с. 401–441, 449–504]. Предполагалась и имплементация таких разработок в военное планирование. Так, по мнению П.П. Каратыгина, «внедрение партизанских

методов и будет одним из элементов подготовки населения к участию в “государственной обороне”» [4, с. 441]. М.А. Дробов поддержал М.В. Фрунзе («Единая военная доктрина и Красная Армия», 1921) в том, что «одной из задач нашего генерального штаба должна стать разработка идеи малой войны в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас» [21, с. 19; 4, с. 458]. В таких теоретических разработках обнаруживается имманентно присутствующая субъекту борьбы приверженность к определенным средствам и способам поражения противника. Еще Гегель (1770–1831) отмечал, что «оружие есть не что иное как *сущность* самих борющихся» [3, с. 195]. Данный вывод применим и для оценки действий большевиков, когда методы и формы гражданской войны переносились на другие виды политической борьбы, не связанные с вооруженным противоборством.

Такие изыскания сопрягались с развитием теории большой войны, чему способствовало и восприятие советским руководством идей Клаузевица о политически наступательной или оборонительной войне, «чтобы на неприятельской земле защищать собственную страну» [9, с. 253]. Приведенную цитату В.И. Ленин выписал и выделил, будучи в эмиграции [13, с. 23–24], она воспроизводилась во всех предисловиях издания книги «О войне» в советский период начиная с 1932 года.

Само военное строительство адаптировалось под военные реалии. Через несколько месяцев после революции власть отказалась от идеи милиционной армии на добровольных началах, от выборности командного состава и приступила к созданию регулярной армии, началось и концептуальное обоснование обороны страны. Признание политических реалий и необходимости построения социализма в отдельно взятой стране потребовало военного реагирования, теоретической проработки подготовки и применения военной силы с учетом представлений о предстоящей войне. Ее исследование все более политизировалось. Так, созданная 13 августа 1918 г. в военном ведомстве военно-историческая комиссия имела в своем составе политическую секцию, в политическом разделе воинских уставов и наставлений были зафиксированы «революционные

изменения в социальной и политической структуре общества» [6, с. 77].

Сложившиеся условия активизировали исследования, направленные на раскрытие связи между войной и политикой. Подвергся критике узковоенный (игнорирующий политические соображения) взгляд на стратегию. В брошюре Клаузевица, вышедшей уже в 1924 г., отмечалось, что в ее основе лежит политическая детерминация: «Война представляет не что иное, как продолжение политических стремлений другими средствами; этот взгляд я кладу в основу всей стратегии и полагаю, что если кто-либо еще колеблется признать его необходимость, тот еще не вполне усмотрел, в чем сущность дела. Это положение делает понятной всю военную историю – без него все полно величайших абсурдов» [10, с. 8]. Перевод и опубликование работы А.А. Свечиным диктовались стремлением обеспечить методологическую основу исследованиям войны, задать им вектор и ограничить идеологизацию. Причем открыто Свечин своей мотивации не артикулировал, хоть и воздерживался от воспроизведения и трактовки социалистических идеологических постулатов.

В Советской России получил признание труд последователя Клаузевица немецкого военного историка Ганса Дельбрюка (1848–1929) «История военного искусства в рамках политической истории». Автором был сформулирован ряд важных выводов и обобщений. Его намерение, согласно заявленному названию труда, состояло в том, чтобы «разработать и выявить... связь между государственным устройством, тактикой и стратегией... Взаимодействие тактики и стратегии, с одной стороны, и государственного устройства и политики, с другой, проливает яркий свет на последовательное развитие всемирной истории и освещает много таких сторон, которые до того оставались в тени или неправильно понимались» [5, с. XLVI]. При этом заключительный четвертый том его труда вышел в Германии в 1919 г., а уже в 1923 г. слушатели Военной академии РККА заявляли об отвержении взглядов Мольтке, Шлиффена и Гинденбурга с их приверженностью стратегии сокрушения и отдавали предпочтение Дельбрюку, стороннику стратегии измора, для которого

военная стратегия не являлась самодовлеющим феноменом в войне [2, с. 367–368].

Вслед за Клаузевицем и Дельбрюком А.А. Свечин обосновывал ошибочность восприятия войны, когда «причинная связь военных событий ищется лишь под углом зрения чисто военных соображений» [18, с. 69]. В действительности же позиция мыслителя была паллиативной. С одной стороны, он исходил из принципа примата политики, с другой – пытался избежать чрезмерной идеологизации теории войны. Свечин заявил об отказе от создания «наброска красной советской стратегической доктрины» [18, с. 34]. То есть фактически декларировалась возможность создания внеклассовой военной доктрины.

В итоге можно констатировать образование в исследуемый период в Советской России разрыва между официальной манифестацией классово-политической детерминации научного осмысления войны как объективно существующего феномена и необходимостью реализации теоретических и идеологических постулатов с присущими им элементами романтизма в подготовке к грядущей войне.

Указанный разрыв рельефно обозначился в ходе дискуссии о военной доктрине в 1918–1921 годах [17, с. 71–175]. Суть возникшей теоретической проблемы осознал и артикулировал видный военный мыслитель А.Е. Снесарев (1865–1937). Проанализировав выявившиеся позиции, он в своей статье «Единая военная доктрина» (1920) подытожил: «Военная наука может быть только интернациональна. Единая военная доктрина проникнута определенными для данного исторического момента целями и связана единством систематизированного военно-политического материала, вытекающего из этих целей. ...Единая военная доктрина национальна...» [17, с. 117]. Фактически на повестку дня был поставлен вопрос о необходимости разрешения противоречия между возможностью объективного научного осмысления войны и установками исходящих от государственного и партийного руководства доктринальных директив. Содержащиеся в них императивы ввиду конкретно-исторических условий переживаемого страной периода носили во многом субъективный и ситуативный характер.

Разрешение указанного противоречия происходило в ходе острых и идеологизированных дискуссий между представителями прежней военно-научной школы, оказавшимися на службе советской власти (так называемых военных специалистов), и носителями пролетарской идеологии из числа теоретиков социализма и командного состава РККА.

Признавая заслуги военных специалистов, В.И. Ленин в ноябре 1919 г. отмечал: «Вы слышали о ряде блестящих побед Красной армии. В ней работают десятки тысяч старых офицеров и полковников. Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать Армию» [15, с. 313]. В Красной армии оказалось 775 бывших генералов и 1 726 штаб-офицеров (980 полковников и 746 подполковников) старой армии. Причем из состава наиболее ценных военных специалистов в лице офицеров службы генерального штаба численностью 1 932 человека к концу Гражданской войны в Красной армии оказалась треть (639 человек, в том числе 252 генерала, 239 штаб-офицеров и 148 обер-офицеров). Преподавательский же и административный состав военно-учебных заведений Советской республики был почти на 90 процентов представлен бывшими офицерами [7, с. 178, 196, 222]. Фактически именно указанная категория специалистов по своему образовательному и исследовательскому потенциалу могла наиболее компетентно участвовать в проработке теории войны.

Вместе с тем в созданной в декабре 1918 г. Академии Генерального штаба РККА, где должны были – в соответствии с предназначением – проводиться профильные исследования, изначально стала складываться атмосфера, мало располагавшая к разработке научно обоснованной концепции войны, в том числе в политическом понимании. С определенными оговорками создавшуюся обстановку можно охарактеризовать как идеологический конфликт слушателей с профессорско-преподавательским составом. Многие его представители воспринимались слушателями как классовые и идеологические противники, с единомышленниками которых вчерашние красные командиры сталкивались на полях сражений Гражданской войны.

Налицо была отчужденность преподавателей и обучающихся. По мнению последних, в академии «остался случайный состав генштабистов» [2, с. 67]. Поступивших на учебу поражало, что «ни один академик не пройдет мимо начальника или комиссара, не толкнувши его в бок». Сама академия «не обнаруживала никаких признаков военного учебного заведения» [2, с. 70], не было даже библиотеки. В первые годы работы академии «учебная дисциплина отсутствовала. Все меры... вплоть до выставления часового у дверей Академии для того, чтобы никого не выпускать, не помогали» [2, с. 73]. Потребовались годы, чтобы благодаря усилению дисциплины «признаки “Запорожской сечи” почти исчезли» [2, с. 79]. Некоторые представители профессорско-преподавательского состава характеризовались слушателями весьма уничижительно (например, как «политические кастраты»). Констатировалось, что «между профессурой и слушательской массой выросла стена» [2, с. 89]. Одновременно отмечались дискредитация и травля выпускников академии на фронте старыми генштабистами. С другой стороны, имело место и проявление «комчванства» со стороны самих выпускников академии в войсках: «Спецов старой армии они третировали свысока как людей, чуждых революции, а ком[андный] и политсостав, из рабочих и крестьян, не побывавших в Академии, рассматривали как безграмотных в военном деле» [2, с. 259]. Овладение научными знаниями осложняла и «низкая квалификация, а иногда и безграмотность слушательского контингента» [2, с. 277]. Кроме того, пытливые слушатели часто открыто выражали протест против «аполитичности» (то есть против деидеологизации) преподаваемой им военной науки. Ситуацию осложняло и то, что в первые годы советской власти образованность не считалась качеством, обязательным для красного командира, и определяющим фактором являлось, скорее, социальное происхождение. Шансы представителей старой военной школы на успех в сопротивлении нарастающему идеологическому давлению были ничтожны, что с неизбежностью отразилось на осмыслении войны как политического феномена в последующие годы и на судьбе самих исследователей.

Результаты. Исследование войны как политического феномена в 1917–1922 гг. развивалось в тесной связи и под влиянием идеологии и военно-доктринальных установок молодого Советского государства. Официально война виделась как гражданская, которая распространится повсеместно и закончится уничтожением капитализма.

Разработка теории войны проходила в условиях острой борьбы, в которой обозначились два подхода. Первый характеризовался не просто политическим, но выраженным политизированным идеологическим восприятием войны. Его исповедовало партийно-государственное руководство и солидарные с ним военные кадры, выходцы из рабочих и крестьян. Другой полюс понимания войны представляется в известной степени парадоксальным: его сторонники признавали политическую природу и детерминацию войны, де-факто же уклонялись от обсуждения имплементации конкретных установлений новой власти в военную теорию и практику и, получается, ориентировались и претендовали на создание своего рода «политически стерильной» теории войны.

С некоторыми оговорками и исключениями можно утверждать, что на стороне последователей первого подхода были бескомпромиссность и напор, поддержка власти, прямое вмешательство государственного руководства в исследование войны, на стороне второго – образованность и владение методами научного исследования войны при одновременном осознании своей принадлежности к подавляемому классу. В этих условиях синтез двух исследовательских парадигм был невозможен. Напротив, между ними нарастала поляризация, завершившаяся неизбежной победой сторонников первого подхода. Последствиями его воцарения стали утверждение монополии на истину, недопущение альтернативных (внеклассовых) точек зрения при исследовании войны, снижение теоретического уровня и обеднение дискуссий.

В изучаемый период исследование войны стало занимать подчиненное положение по отношению к доктринальным взглядам и установкам руководства Советского государства, что деформировало и ограничивало осмысление войны. В результате не наука о вой-

не служила теоретическим обоснованием военной доктрины Советского государства, а наоборот, последняя стала безапелляционно формировать осмысление войны как политического феномена. Утвердившееся понимание войны проникло не только в стратегию, но и в оперативное искусство и тактику, в систему обучения и воспитания военных кадров, на десятилетия вперед задав тон и направленность исследований, отразившись в практике обороны страны и применения военной силы. Последствия реализации политических установок в военной практике и военном искусстве в нашей стране нуждаются в дальнейшем изучении. В свою очередь, и современные зарубежные исследователи проявляют интерес к указанной проблематике [25].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вершигора, П. П. Военное творчество народных масс : ист. очерк / П. П. Вершигора. – М. : Воениздат, 1961. – 824 с.
2. Военная академия за пять лет : сборник / под ред. М. Л. Белоцкого, И. Г. Ключко, Е. А. Шиловского. – М. : Тип. Военной академии, 1923. – 411 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
4. Грозное оружие : Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. – М. : Воен. ун-т ; Рус. путь, 2007. – 760 с.
5. Дельбрюк, Г. История военного искусства в рамках политической истории / пер. с нем. А. К. Рачинского ; предисл. М. Н. Тухачевского. – Л. : Госиздат, 1930. – Т. 4. – XLVII, 500 с.
6. Захаров, М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы / М. В. Захаров. – М. : Межрегион. фонд «Выдающиеся полководцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», 2003. – 336 с.
7. Кавтарадзе, А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. / А. Г. Кавтарадзе ; отв. ред. В. И. Петров ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1988. – 276 с.
8. Какурин, Н. Е. Стратегия пролетарского государства : этюд / Н. Е. Какурин. – [Б. м.] : Отд. воен. лит. при Р.В.С.Р : Ред.-издат. отд. при Р.В.С. Зап. фронта, 1921. – 31 с.
9. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М. : Госвоениздат, 1936. – Т. 2. – 576 с.
10. Клаузевиц, К. Основы стратегического решения : пер. с нем. / К. Клаузевиц ; под ред. А. А. Свечина. – М. : Высш. воен. редсовет, 1924. – 31 с.

11. Кукушкин, Ю. С. Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1987. – 364 с.

12. Ленин, В. И. Войско и революция (15 (28) ноября 1905 г.) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 12: Октябрь 1905 – апрель 1906 / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Госполитиздат, 1960. – С. 110–114.

13. Ленин, В. И. Замечания на сочинения Клаузевица «О войне» / В. И. Ленин ; Ин-т Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). – М. : Госполитиздат, 1939. – 40 с.

14. Ленин, В. И. Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области (8 октября 1917 г.) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 34: Июль – октябрь 1917 / В. И. Ленин ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Госполитиздат, 1962. – С. 385–390.

15. Ленин, В. И. Речь на I Всероссийском совещании по партийной работе в деревне (19 ноября 1919 г.) / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 39: Июнь – декабрь 1919 / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Госполитиздат, 1963. – С. 309–317.

16. Октябрьская революция : Вопросы и ответы. – М. : Политиздат, 1987. – 480 с.

17. Русская военная доктрина : материалы дискуссий 1911–1933 годов. – М. : Воен. ун-т, 1994. – 298 с.

18. Свечин, А. А. Стратегия / А. А. Свечин ; вступ. ст. И. С. Даниленко. – Жуковский ; М. : Кучково поле, 2003. – 656 с.

19. Троцкий, Л. Д. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство / Л. Д. Троцкий. – Пг. : Полит. упр. Петрогр. воен. округа, 1922. – 52 с.

20. Тухачевский, М. Н. Война классов : Статьи 1919–1920 гг. / М. Н. Тухачевский ; РСФСР ; отд. воен. лит. при Рев. воен. совете Республики. – М. : Гос. изд-во, 1921. – 140 с.

21. Фрунзе, М. В. Единая военная доктрина и Красная Армия / М. В. Фрунзе. – М. : Воен. изд-во, 1941. – 22 с.

22. Шмитт, К. Политическая теология : сборник / пер. с нем., закл. ст. и сост. А. Филиппова. – М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 336 с.

23. Шмитт, К. Политический романтизм / К. Шмитт ; пер. с нем. Ю. Ю. Коринца, под ред. Б. М. Скуратова ; послесл. А. Ф. Филиппова. – М. : Практика, 2015. – 460 с.

24. Hahlweg, W. Das Clausewitzbild einst und jetzt / W. Hahlweg // Clausewitz, C. von. Vom Kriege. Achtzehnte Auflage / C. von Clausewitz. – Bonn : Ferd. Dummlers Verlag, 1973. – S. 1–172.

25. Riemer, P. Von der russischen Kriegskunst. Eine Untersuchung der dialektischen Zusammenhänge von Staatsidee und Militärwesen am Beispiel der

Sowjetunion und der Russischen Föderation. – Berlin : Miles-Verlag, 2021. – 360 S.

26. Rose, O. Carl von Clausewitz. Wirkungsgeschichte seines Werkes in Russland und der Sowjetunion, 1836–1991 / von Olaf Rose. – München : Oldenbourg, 1995. – VI, 275 S.

REFERENCES

1. Vershigora P.P. *Voennoe tvorchestvo narodnykh mass: ist. ocherk* [Military Works of the Popular Masses. Historical Note]. Moscow, Voenizdat, 1961. 824 p.

2. Belotsky M.L., Klochko I.G., Shilovsky E.A., eds. *Voennaja akademija za piat let: sbornik* [Military Academy in Five Years. Collection]. Moscow, Tip. Voennoi akademii, 1923. 411 p.

3. Hegel G.W.F. *Fenomenologija dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 495 p.

4. *Groznoe oruzhie: Malaia voina, partizanstvo i drugie vidy asimmetrichnogo vovaniia v svete naslediiia russkikh voennykh myslitelei* [Formidable Weapons: Small War, Partisanship, and Other Types of Asymmetric Warfare in the Light of the Legacy of Russian Military Thinkers]. Moscow, Voen. un-t, Rus. put Publ., 2007. 760 p.

5. Del'brjuk G. *Istoriia voennogo iskusstva v ramkah politicheskoi istorii* [The History of Military Art within the Framework of Political History]. Leningrad, Gosizdat, 1930, vol. 4. XLVII. 500 p.

6. Zaharov M.V. *Generalnyi shtab v predvoennye gody* [General Staff in the Pre-War Years]. Moscow, Mezhtregion. fond «Vydayushchiesya polkovodtsy Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.», 2003. 336 p.

7. Kavtaradze A.G. *Voennye specialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov, 1917–1920 gg.* [Military Specialists in the Service of the Republic of Soviets, 1917–1920]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 276 p.

8. Kakurin N. E. *Strategiia proletarskogo gosudarstva: etjud* [The Strategy of the Proletarian State. Study]. S. l., Otd. voen. lit. pri R.V.S.R, Red.-izdat. otd. pri R.V.S. Zap. fronta, 1921. 31 p.

9. Clauzewitz C. *O voyne* [About War]. Moscow, Gosvoenizdat, 1936, vol. 2. 576 p.

10. Clauzewitz C. *Osnovy strategicheskogo resheniia* [The Fundamentals of Strategic Decision-Making]. Moscow, Vyssh. voen. redsovet, 1924. 31 p.

11. Kukushkin Y.S., Chistiakov O.I. *Ocherk istorii Sovetskoy Konstitutsii* [Essay on the History of the Soviet Constitution]. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1987. 364 p.

12. Lenin V.I. *Voisko i revoliutsiia (15 (28) noiabria 1905 g.)*. [The Army and the Revolution (November 15 (28), 1905)]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 12:*

Oktyabr 1905 – april 1906 [Complete Collection of Works. Vol. 12: October 1905 – April 1906]. Moscow, Gospolitizdat, 1960, pp. 110-114.

13. Lenin V.I. *Zamechaniia na sochineniia Klauzevitsa «O voine»* [Comments on Clausewitz's Essays "About War"]. Moscow, Gospolitizdat, 1939. 40 p.

14. Lenin V. I. Pismo k tovarishcham bolshevikam, uchastvuiushchim na oblastnom siezde Sovetov Severnoi oblasti (8 (21) oktiabria 1917 g.) [A Letter to the Bolshevik Comrades Participating in the Regional Congress of Soviets of the Northern Region (October 8 (21), 1917)]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 34, Iyul' – oktyabr 1917* [Complete Collection of Works. Vol. 34: July – October 1917]. Moscow, Gospolitizdat, 1962, pp. 385-390.

15. Lenin V.I. Rech na I Vserossiiskom soveshhanii po partiinoi rabote v derevne 18 noiabria 1919 g. [Speech at the All-Russian Conference on Party Work in the Countryside on November 18, 1919]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 39: Iyun – dekabr 1919* [Complete Collection of Works. Vol. 39: June – December 1919]. Moscow, Gospolitizdat, 1963, pp. 309-317.

16. *Oktiabrskaja revoliutsiia: Voprosy i otvety*. [October Revolution. Questions and Answers]. Moscow, Politizdat, 1987. 480 p.

17. *Russkaia voennaia doktrina: materialy diskussii 1911–1933 godov* [Russian Military Doctrine. Materials of the Discussions of 1911–1933]. Moscow, Voen. un-t, 1994. 298 p.

18. Svechin A.A. *Strategiia* [Strategy]. Zhukovskiy, Moscow, Kuchkovopole Publ., 2003. 656 p.

19. Trockii L.D. *Voennaia doktrina ili mnimovoennoe doktrinerstvo* [Military Doctrine or Putative-Military Doctrinarianism]. Petrograd, Polit. upr. Petrogr. voen. okruga, 1922. 52 p.

20. Tuhachevskii M.N. *Voina klassov: Stati 1919–1920 gg.* [The War of the Classes. Articles of 1919–1920]. Moscow, Gos. izd-vo, 1921. 140 p.

21. Frunze M.V. *Edinaia voennaia doktrina i Krasnaia Armiiia* [Unified Military Doctrine and the Red Army]. Moscow, Voen. izd-vo, 1941. 22 p.

22. Schmitt C. *Politicheskaia teologiya: sbornik* [Political Theology. Collection]. Moscow, KANONpress-C, 2000. 336 p.

23. Schmitt C. *Politicheskii romantizm* [Political Romanticism]. Moscow, Praxis Publ., 2015. 460 p.

24. Hahlweg W. Das Clausewitzbild einst und jetzt. Clausewitz, C. von. *Vom Kriege. Achtzehnte Auflage*, 1973. S. 1-172.

25. Riemer P. *Von der russischen Kriegskunst. Eine Untersuchung der dialektischen Zusammenhänge von Staatsidee und Militärwesen am Beispiel der Sowjetunion und der Russischen Föderation*. Berlin, Miles-Verlag, 2021. 360 S.

26. Rose O. *Carl von Clausewitz. Wirkungsgeschichte seines Werkes in Russland und der Sowjetunion, 1836–1991*. München, Oldenbourg Publ., 1995. VI, 275 S.

Information About the Author

Vasily K. Belozerov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Research Laboratory of the Study of Global and Regional Socio-Political Processes, Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina St, 31a, 603155 Nizhny Novgorod, Russian Federation, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>

Информация об авторе

Василий Клавдиевич Белозёров, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории изучения мировых и региональных социально-политических процессов, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31а, 603155 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, vk_belozerov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5878>